

Сказка Туве Янссон

" Муми-папа и море "

Глава первая - Семья в хрустальном шаре

Однажды вечером в конце августа Муми-папа гулял в своем саду, чувствуя себя потерянным. Он не знал, куда себя деть: ему казалось, что все необходимое уже сделано или делается кем-то другим.

Муми-папа бесцельно бродил по саду, его хвост печально волочился за ним по земле. Здесь, в долине, зной был обжигающим; все было безмолвным, неподвижным и ни чуточки не пыльным. Стоял месяц великих лесных пожаров, месяц, когда требовалась великая осторожность.

Он предупредил семью. Снова и снова он объяснял им, как опасен август. Он описывал пылающую долину, рев пламени, раскаленные добела стволы и огонь, ползущий вдоль земли подо мхом. Ослепительные столбы пламени, взлетающие к ночному небу. Огненные волны, катящиеся по склонам долины к берегу...

– Шипя, они бросаются в море, – с мрачным удовлетворением завершал Муми-папа. – Все вокруг выгорело, все почернело. Величайшая ответственность лежит на любом, даже самом маленьком существе, в чьи лапы попали спички.

Все прерывали свои занятия и говорили: "Да, конечно. Да, да". И возвращались к своим делам, больше не обращая на него внимания.

Они всегда что-нибудь делали. Спокойно, не отвлекаясь, с величайшей сосредоточенностью они занимались сотнями мелких дел, из которых состоял их мир. Это был мир очень личный, замкнутый, к которому ничего нельзя было прибавить. Будто карта местности, где все открыто и заселено, где больше не осталось белых пятен. И они говорили друг другу: "Он всегда твердит о лесных пожарах и августе".

Муми-папа взобрался по ступенькам на веранду. Его лапы, как всегда, прилипали к покрытому лаком полу и издавали легкие чмокающие звуки. Хвост тоже прилипал, словно кто-то тянул за него.

Муми-папа сел и закрыл глаза. "Пол нужно отлакировать заново, – думал он. – Конечно, это из-за жары он такой липкий. Но хороший лак не должен плавиться только потому, что жарко. Может, я использовал не тот лак. Я построил веранду ужасно давно, так что самое время перекрасить пол. Но сначала нужно отскрести его наждачной бумагой – противная работа, за которую не дождешься благодарности. Правда, новый белый пол, покрашенный толстой кистью и покрытый блестящим лаком, смотрится так нарядно! Семья должна будет пользоваться задней дверью и не путаться под ногами, пока я работаю. А потом я впущу их и скажу: "Ну вот! Посмотрите на вашу новую веранду!" ...Слишком жарко. Хорошо бы сейчас идти под парусом. Уплывать в открытое море, все дальше и дальше..."

Муми-папа почувствовал сонливость в лапах. Он встряхнулся и зажег трубку. Спичка продолжала гореть в пепельнице, и он смотрел на нее заворожено. Когда спичка почти погасла, он оторвал несколько клочков газеты и положил их в огонь. Это был симпатичный маленький огонек, едва заметный в солнечном свете, но горел хорошо. Муми-папа внимательно наблюдал за ним.

– Опять гаснет, – заметила Малышка Мю. – Положи еще бумаги! – Она сидела в тени на перилах веранды.

– А, это ты! – сказал Муми-папа и встряхнул пепельницу, чтобы потушить огонь. – Я только наблюдал за процессом горения. Это очень важно.

Малышка Мю засмеялась, продолжая глядеть на него. Тогда Муми-папа натянул шляпу на глаза и нашел спасение в сне.

* * *

– Папа, – сказал Муми-тролль. – Проснись! Мы только что потушили лесной пожар!

Обе Мумипапины лапы прочно приклеились к полу. Он очень неохотно отодрал их. Все было несправедливо.

– О чем ты говоришь? – спросил он.

– Настоящий маленький лесной пожар, – объяснил Муми-тролль. Сразу за табачной грядкой. Мох загорелся, мама говорит, это, наверное, искра из трубы...

Муми-папа подскочил на месте и в одно мгновение превратился в человека действия. Его шляпа упала и покатилась по лестнице.

– Мы потушили его! – закричал Муми-тролль. – Мы тут же его потушили. Не надо волноваться!

Муми-папа замер. Он очень рассердился.

– Вы потушили пожар без меня? – спросил он. – Почему никто меня не позвал? Вы позволили мне спокойно спать и не сказали ни слова!

– Но дорогой, – вмешалась Муми-мама, высовываясь из кухонного окна, – мы не думали, что это необходимо. Огонь был очень маленький, он только немножко дымился. Я как раз проходила мимо с ведром, так что все, что потребовалось – это побрызгать водой по пути...

– По пути! – воскликнул Муми-папа. – Только побрызгать! В самом деле, побрызгать! Что за слово! И позволить огню беспрепятственно гореть под покровом мха! Где это? Где это?

Муми-мама бросила все дела и повела его к табачной грядке. Муми-тролль остался стоять на веранде, глядя им вслед. Черное пятно действительно было очень маленьким.

– Не воображай, – произнес наконец Муми-папа очень медленно, – что такое пятно не опасно. Это далеко не так. Огонь может тлеть под мхом, понимаешь? Тлеть часами, возможно даже днями, а потом внезапно – пых! И он вырывается наружу где-то совсем в другом месте. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Да, дорогой, – ответила Муми-мама.

– Поэтому я останусь здесь, – продолжал Муми-папа, мрачно ковыряя мох. – Если потребуется, я проведу здесь всю ночь.

– Ты и вправду думаешь... – начала было Муми-мама. Но потом сказала только: – И очень хорошо сделаешь. Никогда не знаешь, что может случиться со мхом.

Муми-папа вырвал весь мох вокруг маленького черного пятна и провел остаток дня, наблюдая за ним. Он не покинул свой пост даже ради обеда. Он хотел, чтобы остальные считали его обиженным.

– Он останется там на всю ночь? – спросил Муми-тролль.

– Вполне возможно, – ответила Муми-мама.

– Если тебе приспичило, то тебе приспичило, – заметила Малышка Мю, очищая зубами картофелину. – Каждый должен злиться время от времени. Даже самая маленькая букашка имеет на это право. Но папа злится неправильно. Он держит все в себе, вместо того, чтобы выпускать наружу.

– Мое дорогое дитя, – сказала Муми-мама, – папа знает, что делает.

– Не думаю, – сказала Малышка Мю просто. – Ничего он не знает. А ты знаешь?

– Не совсем, – вынуждена была признать Муми-мама.

* * *

Муми-папа сунул нос в мох и почувствовал резкий запах дыма. Земля совсем остыла. Он вытряхнул свою трубку в дыру и подул на искры. Они тлели пару секунд, а потом погасли. Муми-папа наступил на роковое место и побрел по саду, чтобы взглянуть в свой хрустальный шар.

Темнота, как обычно, поднималась от земли и скапливалась под деревьями. Вокруг хрустального шара было чуть светлее. Он стоял, отражая весь сад, и выглядел очень красиво на своем коралловом пьедестале. Это был шар, принадлежащий только Муми-папе, его собственный магический шар из сияющего голубого стекла – центр сада, долины и всего мира.

Но Муми-папа не заглянул в него сразу, сначала он посмотрел на свои испачканные лапы, пытаясь собрать смутные, бессвязные и беспокойные мысли. Когда ему было очень грустно, он смотрел в хрустальный шар в поисках утешения. И в это долгое, теплое, прекрасное и грустное лето он делал это каждый вечер.

Хрустальный шар всегда был прохладен. Его синева была глубже и чище, чем синева самого моря, и отраженный в нем мир делался холодным, далеким и незнакомым. В центре этого стеклянного мира Муми-папа видел себя, собственный большой нос и отражение странного, будто пришедшего из сна, пейзажа вокруг. Голубая земля была глубоко внизу, и там, куда невозможно было добраться, Муми-папа начал искать свою семью. Они всегда приходили, нужно было только немного подождать. Они всегда отражались в хрустальном шаре.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Естественно – ведь у них было столько дел в этот сумеречный час. Они всегда были заняты. Рано или поздно Муми-мама заспешит от кухни к кладовке – принести колбасу и масло. Или к картофельной грядке. Или к дровяному сараю. Каждый раз у нее был такой вид, словно она шла совершенно незнакомым и удивительным путем. Куда – никто не мог сказать наверняка. Она могла направляться по каким-то секретным делам, которые считала интересными, или играть в свою собственную игру, или бродить просто ради того, чтобы бродить.

Вот она прошла, подпрыгивая, как деловитый белый мячик, в самой дальней глубине, среди голубейших из голубых теней. А вот и Муми-тролль, держащийся в стороне, сам по себе. А вот и Малышка Мю, пробирающаяся по склону, – само движение, ничего более, так трудно ее заметить. Лишь промельк чего-то решительного и независимого, настолько независимого, что у него не было необходимости показываться на глаза. В хрустальном шаре они казались маленькими и одинокими, а все их перемещения – бесцельными.

Муми-папе это нравилось. Это была его вечерняя игра. Она порождала ощущение, что все они нуждаются в его защите, что они находятся на дне моря, о котором знает только он один.

Уже почти стемнело, когда вдруг в хрустальном шаре что-то произошло: там появился свет. Муми-мама впервые за все лето зажгла керосиновую лампу. И сразу ощущение безопасности сосредоточилось в одном месте – на веранде, где сидела Муми-мама, поджидая свое семейство, чтобы подать вечерний чай.

Хрустальный шар потускнел, синева превратилась в черноту; разглядеть можно было только лампу.

Муми-папа некоторое время стоял, не зная толком, о чем он только что думал, потом повернулся и пошел к дому.

* * *

– Что ж, – сообщил Муми-папа, – думаю, теперь мы можем спать спокойно. Опасность миновала. Но на рассвете я еще раз проверю это место, чтобы убедиться, все ли в порядке.

– Хм, – сказала Малышка Мю.

– Папа, – воскликнул Муми-тролль, – разве ты не заметил? У нас появилась лампа!

– Да, вечера становятся длиннее, и я подумала, что сейчас самое время зажечь ее. Во всяком случае, сегодня у меня появилось такое чувство, – объяснила Муми-мама.

Муми-папа сказал:

– Ты положила конец лету. Нельзя зажигать лампы, пока лето по-настоящему не закончится.

– Что ж, в таком случае наступит осень, – как всегда спокойно ответила Муми-мама.

Лампа горела с шипением, из-за этого все казалось близким и безопасным в их маленьком семейном кругу, где все друг друга знали и друг другу доверяли. За пределами круга лежало все чужое и пугающее, и темнота, казалось, подымалась все выше и выше и распространялась все дальше и дальше – к самому краю света.

– В некоторых семьях отец решает, когда зажигать лампу, – пробурчал Муми-папа в свой чай.

Муми-тролль разложил перед собой бутерброды в обычном порядке: сначала бутерброд с сыром, потом – два с ветчиной, потом – один с холодной картошкой и сардинами и самым последним – с повидлом. Муми-тролль был совершенно счастлив. Малышка Мю ела только сардины, так как чувствовала, что это необычный вечер. Она задумчиво глядела в темноту, и чем больше она ела и смотрела, тем чернее становились ее глаза.

Свет лампы ярко сиял на траве и кусте сирени. Но там, где сгущались тени, там, где одна-одинешенька сидела Морра, он был гораздо слабее.

Морра так долго пробыла на одном месте, что земля под ней замерзла. Когда она встала и подвинулась чуть ближе к свету, трава захрустела, как осколки стекла. Дрожь испуга пробежала по листве, несколько листьев скрутились в трубочку и упали на плечи Морры. Астры отодвинулись как можно дальше от нее, а кузнечики смолкли.

– Почему вы не едите? – спросила Муми-мама.

– Не знаю, – сказал Муми-тролль. – У нас есть венецианские ставни?

– Они на чердаке. Они нам не понадобятся, пока мы не ляжем в зимнюю спячку. – Муми-мама повернулась к Муми-папе и предложила:

– Теперь, когда лампа зажжена, ты не хотел бы немного поработать над своей моделью маяка?

– Да ну! – сказал Муми-папа. – Это для детей, это не настоящее.

* * *

Морра придвинулась еще ближе. Она уставилась на лампу и мягко тряхнула большой бесформенной головой. Белый морозный туман образовался вокруг ее ног, когда она заскользила к свету огромной одинокой серой тенью. Окно слегка задребезжало как от дальнего грома, весь сад затаил дыхание. Морра приблизилась к веранде и на мгновение застыла у самой границы светового круга, сияющего на потемневшей земле.

Затем она быстро подошла к окну, и свет лампы упал прямо на ее морду.

Спокойная комната внезапно наполнилась паническими криками и суетой, попадали стулья, кто-то унес лампу. Веранда погрузилась во тьму. Все кинулись в дом, прямо внутрь, где было безопасно, и спрятались вместе со своей лампой.

Некоторое время Морра стояла, дыша морозом в окно покинутой комнаты, а потом скользнула прочь и слилась с темнотой. Она уходила все дальше и дальше, трава хрустела и скрипела под ее ногами. Сад вздрогнул, роняя листья, и с облегчением вздохнул: Морра ушла.

* * *

– Нет никакой необходимости запираться изнутри и не спать всю ночь, – говорила Муми-мама. – Она, наверное, опять что-нибудь испортила в саду, но она не опасна. Ты сам знаешь, что она не опасна, хотя выглядит такой страшной.

– Конечно, опасна! – кричал Муми-папа. – Даже ты испугалась. Ты в самом деле ужасно испугалась, но тебе нечего бояться, пока в доме есть я.

– Но папа, дорогой, – возразила Муми-мама, – мы боимся Морры, потому что она с ног до головы такая холодная. И потому что она никого не любит. Но она никогда не причиняла вреда. Я думаю, нам всем пора отправляться спать.

– Прекрасно! – сказал Муми-папа, возвращая кочергу в угол. – Прекрасно. Раз она ни капельки не опасна, то ты, конечно, не захочешь, чтобы я охранял тебя. Что ж, меня это вполне устраивает! – С этим он вышел на веранду и, прихватив по дороге немного сыра и колбасы, зашагал в темноту.

– Да, – заметила Малышка Мю, на которую это все произвело впечатление. – Хорошо! Он выпускает пар. Теперь он будет стеречь мох до самого утра.

Муми-мама ничего не сказала. Она тихо сновала по дому, готовясь ко сну. Она заглянула как всегда в свою сумку, притушила лампу; в комнате стояло неестественное молчание. Подойдя к Мумипапиной модели маяка, стоящей на полке возле раковины, она начала рассеянно смахивать с нее пыль.

– Мама, – позвал Муми-тролль.

Но Муми-мама не слушала. Она подошла к большой карте, висящей на стене, той самой, которая изображала Муми-долину с береговой линией и островами, взобралась на стул, чтобы дотянуться до открытого моря, и уткнулась носом прямо в точку посреди нигде.

– Вот здесь, – пробормотала она. – Вот здесь мы поселимся и будем вести замечательную жизнь, полную волнений...

– Что ты сказала? – спросил Муми-тролль.

– Вот здесь мы будем жить, – повторила мама. – Это папин остров. Там папа будет о нас заботиться. Мы переберемся туда, начнем все заново, с самого начала, и проживем там всю жизнь.

– Я всегда думала, что это пятно – просто след от мухи, – удивилась Малышка Мю.

Муми-мама слезла на пол.

– Иногда проходит много времени, – сказала она, – ужасно много времени, прежде чем все становится на свои места.

И она тоже вышла в сад.

– Я ничего не говорю о некоторых мамах и папах, – протянула Малышка Мю, – ведь если бы я заговорила, ты бы мне ответил, что они никогда не делают глупостей. Но они что-то замышляют, эти двое. Я бы съела тарелку песка, чтобы узнать что.

– Тебе не полагается знать, – резко сказал Муми-тролль. – Они отлично понимают, что ведут себя немного странно. Некоторые

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

воображают, что они лучше других и должны все знать только потому, что они приемные!

– Ты абсолютно прав, – ответила Малышка Мю. – Конечно, я лучше других!

Муми-тролль разглядывал одинокое пятнышко на карте далеко в открытом море и думал: "Так вот куда папа хочет отправиться. Это серьезная игра". И вдруг море вокруг острова начало подниматься и опускаться, а сам остров стал зеленым с красными склонами. Муми-тролль видел его в книжке с картинками – пустынный остров, населенный пиратами. Он почувствовал комок в горле.

– Малышка Мю, – прошептал он, – это потрясающе!

– Не говори! – сказала Малышка Мю. – Все потрясающе – более или менее. Самое потрясающее будет, если мы устроим огромный тарарам по поводу переезда, переправимся со всеми нашими пожитками туда и обнаружим, что это и в самом деле был только след от мухи!

* * *

Было едва ли полшестого утра, а Муми-тролль уже шел по следам Морры через сад. Земля успела оттаять, но места, где сидела Морра, были видны. Трава там побурела. Он знал, что если Морра просидит на одном месте больше часа, там уже никогда ничего не вырастет. Земля просто умирает от ужаса. В саду таких мест было несколько, и худшее из них, как назло, располагалось на тюльпановой клумбе.

Широкий след из сухих листьев вел прямо к веранде. Здесь она и стояла. Она оставалась за пределами светового круга и глазела на лампу. Она ничего не могла поделать, она должна была подойти как можно ближе, и все вокруг погибло. Всегда повторялось одно и то же: все, к чему она прикасалась, умирало.

Муми-тролль представил себя Моррой. Сгорбившись и шаркая лапами, он медленно пробирался через кучу мертвых листьев. Он стоял неподвижно, ожидая, пока туман окружит его, а затем с вождением уставился в окно. Он был самым одиноким существом на свете.

Но без лампы все это было не очень убедительно. Вместо Морры в голову приходили приятные мысли об островах в море и больших переменах в жизни. Муми-тролль позабыл о Морре и, идя между длинных теней, отбрасываемых утренним солнцем, принялся играть в другую игру. Нужно было ступать только на солнечные пятна. Тени же скрывали неизмеримые и опасные морские пучины – для тех, разумеется, кто не умел плавать.

Кто-то насвистывал в деревянном сарае. Муми-тролль заглянул туда. Яркий солнечный свет золотил поленницу у окна, пахло льняным маслом и резиной. Муми-папа приделывал маленькую дубовую дверь к стене своего маяка.

– Взгляни на эти железные скобы, – сказал он. – Они вбиты в скалу. По ним можно взобраться к маяку. Нужно быть очень осторожным в плохую погоду. Представь, твою лодку несет к скале на гребне волны, потом ты подпрыгиваешь, крепко хватаешься и карабкаешься вверх, в то время как лодку отбрасывает назад... Когда приходит следующая волна, ты уже в безопасности. Потом ты, борясь с встречным ветром, пробираешься вперед, держась за эти поручни. Ты открываешь тяжелую дверь, она захлопывается за тобой. Теперь ты внутри маяка. Через толстые стены слышен рев моря. Снаружи бушует шторм, и лодка уже далеко.

– И мы тоже внутри? – спросил Муми-тролль.

– Конечно, – сказал Муми-папа. – Вы здесь, в башне. Смотри, в каждом окне – настоящее стекло. Свет – на самом верху, он вспыхивает всю ночь через регулярные промежутки времени красным, зеленым и белым, чтобы лодки знали, куда плыть.

– Он будет светить по-настоящему? – спросил Муми-тролль. – Наверное, ты мог бы поставить снизу батарейку и как-нибудь заставить ее мигать.

– Конечно, мог бы, – ответил Муми-папа вырезая несколько маленьких ступенек, чтобы приделать их перед дверью маяка. – Но сейчас у меня нет времени. Это лишь игрушка, способ опробовать что-нибудь. – Слегка смущенный Муми-папа засмеялся и стал копаться в своем ящике с инструментами.

– Чудесно! – сказал Муми-тролль. – Ну, пока.

– Пока, – ответил Муми-папа.

Тени стали гораздо короче. Начинаясь новый день, такой же теплый и прекрасный. Муми-мама сидела на ступеньках ничего не делая, и это почему-то казалось странным.

– Все так рано встали сегодня, – сказал Муми-тролль. Он сел рядом с ней и прищурился на солнце. – Ты знала, что на папином острове есть маяк?

– Конечно, знала, – ответила Муми-мама. – Он говорил об этом все лето. Там мы и собираемся жить.

Так много можно было бы сказать, что ничего не было сказано. На ступеньках было тепло. Все казалось правильным. Муми-папа начал насвистывать "Поднять якоря", и это получалось у него неплохо.

– Скоро я пойду варить кофе. Мне просто захотелось посидеть здесь и подумать. Вот это была ночь!

Но маяк звал их. Они знали, что должны отправляться на остров и отправляться скоро.